

Баранова Е. В. В. И. Пичета и власть в 1920-е гг. Е. В. Баранова// Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 178-186

Е. В. Баранова

В. И. ПИЧЕТА И ВЛАСТЬ В 1920-е гг.

После Октября 1917 г. В. И. Пичета оказался перед сложным выбором. Оставаться на нейтральной позиции по отношению к новой власти российскому интеллигенту было невозможно. Этому препятствовали и сами лидеры партии большевиков. Известно высказывание Г. Е. Зиновьева о том, что «если кто-нибудь из представителей интеллигенции думает, что можно быть нейтральным, он глубоко ошибается. О нейтральности не может быть и речи... Надо выбрать дорогу, выбрать путь» [Цит. по: 1, с. 39]. Пичета стал одним из немногих ученых, ставших после недолгих колебаний на путь сотрудничества с большевиками. Кроме того, их некоторые программные установки, в частности «право народов на самоопределение», открывавшие народам бывшей Российской империи путь к политической самостоятельности и строительству собственного государства, совпадали со взглядами ученого — специалиста в области истории Великого княжества Литовского (ВКЛ), а значит и белорусского народа. Можно считать, с 1918 г. историк, еще находясь в Москве, включился в работу по осмыслению и популяризации белорусской истории и культуры. С февраля 1919 г. Пичета стал участником, а затем и председателем комиссии по организации Белорусского государственного университета, а в июле 1921 г. был назначен его первым ректором, продолжив свою деятельность, конкретно направленную на создание национальной высшей школы, науки и культуры, а тем самым и на государственное строительство в целом [2, с. 219—232].

Осуществление грандиозных по своим масштабам преобразований в Беларуси в 1920-е гг. было невозможным без сотрудничества и взаимного доверия со стороны новой государственной власти и «старых» специалистов. Поэтому отношения Владимира Ивановича с большевистской властью до первой половины 1920-х гг. складывались вполне благоприятно. Увлечшись идеей национального возрождения Беларуси и приняв программу советского руководства о строительстве нового социалистического общества, В. И. Пичета, как и большая часть белорусской национальной интеллигенции, искренне верил в возможность осуществления реформ, направленных во благо белорусского народа [3, с. 46—47]. Советское руководство же, испытывая острую нужду в квалифицированных специалистах, в этот период также шло навстречу лояльным представителям дореволюционной интеллигенции. Так было и с Пичетой. Уже с 1918 г. он находился под «опекой» Наркомата просвещения РСФСР в лице его заместителя М. Н. Покровского и заведующего Главпрофобром В. П. Волгина. В 1919 г. именно В. П. Волгин рекомендовал его профессором на кафедру истории создававшегося университета в Минске [4, л. 14, 20]. А в сентябре 1920 г. он был выдвинут М. Н. Покровским в состав делегации, которая ехала в Ригу для мирных переговоров с Польшей, в качестве эксперта [5, л. 1]. Его кандидатура встретила поддержку и у белорусского руководства: Владимир Иванович был рекомендован на должность ректора БГУ в качестве ученого, «по своим политиче-

Баранова Елена Валентиновна — старший преподаватель кафедры восточнославянской и российской истории Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, кандидат исторических наук

ским взглядам близкого к коммунистам» [6]. Председатель ЦИК и СНК ССРБ А. Г. Червяков лично предложил ему возглавить правление университета.

И далее Пичета как ректор БГУ находился в непосредственной связи с государственными и партийными структурами Беларуси. Плодотворными для решения первоочередных проблем были его деловые и даже чисто человеческие отношения с представителями ЦИК и СНК БССР, Минского горисполкома. Студент БГУ 1920-х гг. историк Н. Н. Улащик отмечал в воспоминаниях, что «авторитет его... в правительственных кругах был очень высок, и тогдашний председатель ЦИК Червяков почти безотказно выполнял просьбы и заявки Владимира Ивановича, отводя дома для занятий, квартиры для профессоров, ассигнуя средства на приобретение оборудования, на книги» [7, л. 7]. Пичета с конца 1921 г. по 1925 г. каждую неделю делал доклады о состоянии университета лично председателям ЦИК и СНК БССР.

С А. Г. Червяковым у Владимира Ивановича сразу установилась взаимная симпатия, переросшая в крепкие дружеские отношения. По его ходатайству на Всебелорусском съезде Советов в декабре 1921 г. ректор познакомил съезд с деятельностью университета, в результате чего был избран членом ЦИК ССРБ [8, л. 1]. Много раз Александр Григорьевич высоко отзывался о Пичете как о ректоре. В своем приветствии по случаю первой годовщины университета он отметил, что, «беручы прыклад з паважанага рэктара Уладзіміра Іванавіча Пічэты, які цалкам аддаўся адпаведнай і цяжкай працы, ...мы дружнай працай з гонарам выканаем узятыя на сябе абавязкі». А в приветственной речи по случаю 5-летия БГУ заявил, что работа Пичеты является великой заслугой во всех достижениях университета [9; 10, с. 207]. Владимир Иванович отвечал ему глубокой благодарностью. Сам Александр Григорьевич не раз принимал участие в заседаниях правления БГУ. На некоторых из протоколов заседаний правления, которые в обязательном порядке направлялись для ознакомления высшим руководителям республики, было отмечено: «К свед. А. Ч.» [11, с. 8—9].

Хорошие отношения у ректора складывались и с другими государственными и партийными деятелями: председателем СНК БССР И. А. Адамовичем, народным комиссаром просвещения, а затем председателем и президентом Инбелкульта В. М. Игнатовским, первым секретарем ЦК КП(б)Б В. Г. Кнориным. В начале 1920-х гг. некоторые из них были приглашены для работы в БГУ: В. М. Игнатовский в 1921/22 академическом году являлся членом правления, деканом факультета общественных наук, а в 1922/23 — деканом педагогического факультета, читал курс истории Беларуси до конца XIX в. В. Г. Кнорин в 1921—1922 гг. читал студентам факультета общественных наук курс экономики переходного времени [12, с. 201, 204; 13, с. 334, 336; 14, с. 245, 251]. Представители ЦИК и СНК БССР часто привлекались к участию в деятельности совета и правления университета для решения проблем, связанных с материальным обеспечением БГУ [15, л. 28, 30—31, 56—58; 16, с. 12, 13].

Труднее складывались отношения ректора с партийными структурами БГУ. В противовес ему (являвшемуся беспартийным) заместителями ректора выдвигались преподаватели-партийцы. Сначала это был бывший заместитель наркома просвещения БССР С. З. Каценбоген, затем заведующий рабфаком (будущий заместитель наркома) С. З. Слоним. Партийцы во главе с заместителем ректора составляли особую коммунистическую фракцию правления. Ее члены проводили свои собственные заседания, куда беспартийный Пичета не приглашался и о решениях которых чаще всего не информировался. Однако в первые годы, пока партийная линия благоприятствовала белорусскому возрождению, комфракция правления и партийная ячейка БГУ содействовали работе университета [17, с. 207—208].

В 1920-е гг. должность ректора БГУ предполагала широкое участие в общественно-политической жизни. Пичета являлся делегатом Всебелорусских съездов Советов, был членом ЦИК БССР, депутатом Минского городского совета, членом коллегии Наркомата просвещения БССР, тем самым имея возможность предлагать властям научно-

образовательные идеи и проекты [16, с. 16; 18, с. 36; 19, л. 38—39]. И в большинстве случаев они принимались.

Были реализованы такие его проекты, как создание аспирантуры в Беларуси, организация на базе Инбелкульта Академии наук, строительство в Минске университетского городка.

И Пичета, в свою очередь, в эти годы также являлся проводником государственной линии и в БГУ, и в целом, неукоснительно выполняя требовавшиеся от него действия. Например, он активно реализовывал установки государственной политики белорусизации в университете и вне его, чем внес значительный вклад в белорусское национально-культурное возрождение [2, с. 224]. Пичета был избран в комитет только что образованного «Общества друзей воздушного флота», был членом совета общества «Долой неграмотность», участвовал в его съездах. Он являлся одним из создателей белорусского отделения Всесоюзного общества культурной связи с границей, был членом белорусского общества историков-марксистов [5, с. 40; 20, с. 93; 21, с. 60; 22]. Реализация этих общественных программ благоприятно отразилась на развитии культурно-образовательного потенциала республики. Однако в то же время Пичета проводил и требовавшуюся Наркоматом просвещения пролетаризацию БГУ, а также не вмешивался в часто проводившиеся «чистки» студенчества, хотя в целом эти действия и не поддерживал [23; 24, с. 42—46]. Вместе с тем в 1920-е гг. Владимир Иванович, обладая большим авторитетом, а также пользуясь еще существовавшей академической свободой, мог корректировать некоторые решения советского руководства в области строительства высшей школы. Так, он постарался свести к минимуму в БГУ введенный в советской высшей школе в 1924—1925 гг. новый лабораторно-групповой метод преподавания и тем самым не позволил существенным образом ломать логику учебного процесса [16, с. 35].

Знаменательными событиями в жизни ректора, доказывавшими его ценность как специалиста для белорусского руководства, стали широко отмечавшиеся в октябре 1926 г. 5-летие БГУ и совпавшее с ним 25-летие научно-педагогической и общественно-политической деятельности Пичеты. Эти юбилеи стали триумфом в его жизни: он был признан одним из наиболее видных деятелей Беларуси. От имени правительства БССР ему было присвоено почетное звание заслуженного профессора БССР (присваивалось впервые в Беларуси и было учреждено правительством с согласия ЦК КП(б)Б специально для Пичеты) [25, л. 37—40; 26; 27, с. 12]. Таким образом, благодаря тесному сотрудничеству Пичеты, советского и белорусского руководства в 1920-е гг. за короткий срок был создан Белорусский государственный университет как мощный белорусский культурно-образовательный, научный и общественный центр, осуществлены другие широкомасштабные национально-культурные и общественно-политические преобразования в республике и созданы условия для дальнейшего прогрессивного развития Беларуси в научно-образовательной и культурной сфере.

Однако постепенное изменение политического курса страны уже со второй половины 1920-х гг. напрямую отразилось на взаимоотношениях интеллигенции и советской власти. В условиях формирования тоталитарного режима сосуществование, а тем более сотрудничество в прошлом либеральной и свободомыслящей интеллигенции и требовавшей слепого и безоговорочного подчинения власти стало невозможным. Уже в 1926 г. по решению закрытого заседания бюро ЦК КП(б)Б за национально-демократические взгляды был выслан из Беларуси профессор М. В. Довнар-Запольский [28, с. 167]. В 1929 г. после проверки комиссией ЦКК ВКП(б) во главе с В. Затонским проведения национальной политики в Беларуси и критической ее оценки развернулась кампания борьбы против «национал-демократов» и «великодержавных шовинистов» [29, с. 81—90; 30]. Как отмечал сам В. Затонский в секретном докладе И. Сталину: «Верхушка

интеллигенции при относительной слабости пролетарской базы в Белоруссии играет непомерно большую роль. Писатели и прочие культурные деятели... позволяют себе вмешиваться во внутрипартийные дела... положение там в области идеологической надо признать прямо угрожающим» [30, л. 98—103]. По сфабрикованному делу «Саюза вызвалення Беларусі» (СВБ) проходило 108 человек, в том числе коллеги Владимира Ивановича, его аспиранты и студенты [31, с. 111; 32, л. 150—184].

Не остался без внимания спецслужб и сам Пичета. Для «разработки» ректора «материала» было достаточно. Несогласных и даже враждебно настроенных против себя ректор встречал повсюду. Как вспоминает дочь Пичеты Ксения Владимировна, часто приезжавшая к отцу в Минск в 1920-е гг.: «Работа в качестве ректора БГУ была сопряжена с большими трудностями. Были недоброжелатели, были и враждебные элементы, с которыми отец вел непримиримую борьбу» [33, с. 117]. Особенно обострились нападки на него после юбилейных торжеств 1926 г. Так, 15 октября 1926 г. в протоколе закрытого заседания Бюро ЦК КП(б)Б, наряду с решением о присвоении Пичете звания заслуженного профессора республики, было принято и недвусмысленное постановление «твердо решить, что в течение ближайшего учебного года Пичету не снимать с работы ректора БГУ» [34, л. 94]. Очевидную антипичетовскую линию попыталась занять коммунистическая фракция правления БГУ во главе с заместителем ректора С. З. Слонимом. Позднее Пичета говорил по этому поводу, что «беспартийный ректор, при наличии руководящей парторганизации, да еще при отсутствии такта со стороны руководителя университетской фракции, попадает в тяжелое, подчас невыносимое положение, унижающее человека и влекущее за собой тяжелые личные конфликты» [35, л. 135]. Неоднократно комфракцией принимались решения о снятии Пичеты с поста ректора [36, л. 290, 396; 37, с. 219]. Яростная борьба в 1928 г. развернулась между Пичетой и тем же Слонимом по поводу изменения учебных планов БГУ в сторону сокращения белорусских дисциплин. Пичета, по сути, боролся за продолжение национальной политики в университете, тогда как комфракция БГУ во главе со Слонимом начала ее свертывание. На том этапе Владимиру Ивановичу удалось отстоять белорусские предметы [38, л. 11—22; 39, с. 1—2]. Доцент Е. И. Ривлин, который своими замечаниями надеялся осуществить карьерный рост с поста проректора БГУ на пост заместителя наркома просвещения, цинично высказался о том, что «Пічэта, безнадзейны нацдэм, увогуле належыць да самых беспрынцыпных людзей на свеце, якому не патрэбныя ніякая ідэалогія, ніякія прынцыпы» [Цит. по: 37, с. 289].

Началась критика деятельности Владимира Ивановича и со стороны партийного руководства. В 1928 г. секретарь ЦК КП(б)Б В. Г. Кнорин в своей статье «Аб рашаючых дробязях у вялікім пытанні» завуалированно раскритиковал Пичету по поводу выпущенного в 1926 г. под его редакцией сборника, посвященного 400-летию белорусской печати, а также за «националистическое» содержание его статей о Ф. Скорине. Также он раскритиковал и все, что было сделано до этого момента белорусскими историками и, в первую очередь, Пичетой для белорусского возрождения [40]. Холодно было встречено белорусскими коммунистами и выступление Пичеты на учредительном съезде ВАРНИТСО 23—26 апреля 1928 г. Это выступление напрямую связывают с последующим арестом Владимира Ивановича [41, с. 62—71]. Истинной целью ВАРНИТСО, по мнению современного российского историка А. Н. Горяинова, являлось подавление политической активности советской интеллигенции. Пичете, как инициатору создания белорусской предшественницы ассоциации — БОРНИТСО, отводилось в указанной организации одно из главных мест. Однако учредители ВАРНИТСО ошиблись. Владимир Иванович, видимо, поняв из доклада одного из учредителей Б. И. Збарского действительные цели ассоциации, выступил в защиту белорусской интеллигенции: «...мы представляем из себя

одну семью... среди научных работников у нас нет противников национальной политики. Нет правого лагеря, о котором здесь говорилось и, может быть, в этом отношении наша Белорусская организация представляет из себя исключение» [41, с. 64— 65; 42, с. 40]. В 1929 г. преподаватель-коммунист П. Панкевич в статье «Класавая барацьба на навуковым фронце БССР» прямо указал на то, что «заява прафесара Пічэты не адпавядала рэчаіснасці, не давала правільнай арыентыроўкі ў дачыненні да класавага размежавання беларускай інтэлігенцыі і цераз гэта з'яўлялася палітычна шкоднай» [43, с. 12].

В конце 1920-х гг. на страницах белорусской прессы развернулась яростная кампания критики интеллигенции. Не последнее место в публикациях заняли имя и дела Пичеты.

Инициаторами обвинений стали не так давно приглашенные все тем же Слономом на работу в БГУ доценты И. Славин и М. Б. Гольман [44; 45]. Однако Владимир Иванович своим отношением к делу сумел приобрести в Беларуси огромный авторитет. Не раз в его защиту выступали коллеги, ученики и даже университетские партийцы, а также видные государственные и партийные деятели республики [45; 46; 47]. Интересно, что уже во время следствия по делу СВБ имя Пичеты практически не упоминалось, несмотря на попытки следователей уличить его в связях с «национал-демократами». Так, на вопрос следователя о роли Пичеты в деятельности студенческого Краеведческого общества БГУ, объявленного одним из центров организации СВБ, арестованный Н. Н. Улащик твердо заявил, что «...Пичета был у нас номинально председателем, но в практической работе участия почти не принимал» [48, л. 473].

В 1929/30 учебном году были сняты с работы в БГУ или уехали сами большинство видных профессоров, так старательно собранных Пичетой [49, с. 8]. Он пытался защищать и себя, и своих коллег. По воспоминаниям академика В. А. Сербенты, он даже ходил в ОГПУ ходатайствовать об арестованных профессорах университета [50, с. 179]. В марте 1929 г. в газете «Савецкая Беларусь» вышла статья ректора под названием «Атака з нягоднымі сродкамі», где Владимир Иванович попытался ответить всем своим обвинителям: «Я вельмі ганаруся тым, што на працягу 7 1/2 год я займаў гэтую адказную пасаду і праводзіў у жыццё ўсе пастановы савецкай улады. Я невыпадкова папаў на тэрыторыю Беларусі. я аддаў усе свае сілы і ўсю сваю энергію працоўным масам Беларусі. Я вельмі сцісла да канца жыцця звязаны з імі...» [51]. Однако подобное искреннее выступление в прессе уже не могло дать результата.

Во время очередных перевыборов правления БГУ 11 октября 1929 г. ректора Пичету, по указанию Бюро ЦК КП(б)Б, не переизбрали на новый срок [52, л. 5; 53, л. 29—30]. Свою отставку Владимир Иванович воспринял болезненно, однако с октября 1929 г. по сентябрь 1930 г. (вплоть до ареста) еще оставался профессором БГУ. Также его деятельность продолжалась и в Институте исторических наук БАН. Как человек целеустремленный, он, несмотря на все невзгоды, решил полностью сосредоточиться на научной работе. Об этом свидетельствует и письмо его коллеги В. Д. Друщица, отправленное Пичете в Москву в конце октября 1929 г. [54, л. 1]. В течение последнего года пребывания в Беларуси (1930 г.) Пичета все больше подвергался нападкам и ничем не обоснованным обвинениям. Он, по сути, становился ненужным и даже вредным для проводников нового политического курса в республике и как общественный деятель, и как педагог, и как ученый. Неудивительно, что в течение этого года он был снят со всех занимаемых должностей — ректора БГУ, члена ЦИКа БССР и всех остальных, лишен звания академика БАН [55, с. 16—17; 56, л. 339].

25 октября 1929 г. Наркомат просвещения БССР утвердил научную командировку Пичеты в Москву и Ленинград сроком до 1 февраля 1930 г. [57, л. 107]. Видимо, давление на него было настолько сильным, что Владимир Иванович решил на время уехать.

Историк Э. Г. Иоффе напрямую связывает этот отъезд с арестом Пичеты в сентябре 1930 г. [50, с. 179]. Ведь в Москве и Ленинграде опальный ректор встречался с будущими главными участниками готовившегося ОГПУ «академического дела», коллегами-историками М. К. Любавским и С. Ф. Платоновым. Именно в это время, по мнению Иоффе, Владимир Иванович попал под прицел органов из-за переданного им письма Любавского, адресованного Платонову. Пролить свет на эту последнюю командировку Пичеты позволяет и ставшее доступным для исследователя следственное дело Пичеты. Во время допросов он сообщил следствию, что в октябре 1929 г. был освобожден от должности ректора БГУ и получил командировку в Москву и Ленинград для научных занятий. Во время командировки историк действительно был и у Любавского, и несколько раз у Платонова, но никаких писем не передавал, а передал Платонову от Любавского лишь устное послание [35, л. 180 об. — 184].

Причины ареста Пичеты можно рассматривать и со стороны следствия. Следователи стремились придать «раскрытой контрреволюционной организации» масштабный характер, и

Пичета, как видный представитель белорусской интеллигенции и в то же время крупный российский историк, тесно связанный со своими московскими и ленинградскими коллегами, идеально подходил на уготованное место руководителя «белорусской ячейки» данной организации. Кроме того, Владимир Иванович являлся представителем старой «буржуазной» исторической школы (ее лидером был С. Ф. Платонов), противостоявшей в конце 1920-х гг., по мнению историка С. В. Брачева, новой марксистской, возглавляемой М. Н. Покровским, что явилось в новых политических условиях причиной ликвидации первой [58, с. 365; 59, с. 55]. В любом случае в конце 1920-х гг. Владимир Иванович, как один из главных представителей национальной интеллигенции, видный советский ученый-историк «старой формации», находился в самом центре обвинений и просто не мог не пострадать. Поэтому причины его ареста следует рассматривать в комплексе, не выделяя отдельные факты.

Орденом за № 2 от 13 сентября 1930 г. Пичета был арестован на своей квартире в Минске по ул. Советской работником ОГПУ товарищем Сикорским [35, л. 111]. Он проходил в числе других 115 научных работников по сфабрикованному «делу академиков Платонова — Богословского». Все время следствия, которое длилось более года, Пичета находился в Доме предварительного заключения в Ленинграде [35; 60, с. 6]. В ходе допросов, которые велись с применением недопустимых мер психического и физического воздействия для выбивания нужных показаний, Владимира Ивановича заставляли признаться в предъявленных обвинениях, дать некоторые показания о своих коллегах [35, л. 186—202]. Однако, как можно судить из следственного дела, ученый смог выдержать тяжелые испытания, сумел не запятнать свою честь пасквилями на близких людей. Уже 12 ноября 1931 г. в письме к М. Н. Покровскому, не боясь последствий и возможных новых гонений, он одним из первых нашел в себе мужество решительно отказаться от всех своих показаний: «Когда меня допрашивали, мне возвращали мои показания для замены одних слов другими — не в мою пользу. Меня заставляли изменять мои выводы из моих показаний. Мне указывали, в каком стиле и тоне я должен был давать свои показания, ибо отказ, говорили мне, не в мою пользу... Меня заставляли признать себя участником организации, о которой я не имел никакого понятия, — я подписал все, что было написано следователем. Так нельзя вести следствие! Это подделка» [61, с. 110].

Приговор в отношении «руководящего ядра» платоновской организации был вынесен Коллегией ОГПУ 8 августа 1931 г.: все его члены были осуждены к высылке в отдаленные места СССР сроком на 5 лет [60, с. XLVIII]. Пичета был сослан в Вятку, где работал с 1931 по 1934 г. нормировщиком, секретарем и экономистом-плановиком в

кооперативе общественного питания, а затем был переведен в Воронеж, где еще год преподавал в качестве профессора в Воронежском пединституте. Он был досрочно освобожден в 1935 г., как сам пишет в одной из своих автобиографий, «после пересмотра дела» и переехал в Москву [62, л. 2 об.].

В Беларусь Пичета больше не вернулся, хотя во второй половине 1930-х —1940-е гг. и делал такие попытки [63; 64]. Вся его дальнейшая жизнь была связана с Москвой, вплоть до кончины в 1947 г. В отличие от многих коллег, ему удалось вернуться к научной работе. Но накопленный в Беларуси опыт подсказывал Владимиру Ивановичу в дальнейшем сторониться политики во всех ее проявлениях и остерегаться возможных соприкосновений с властными структурами. Как и большинство выживших после репрессий представителей «старой» интеллигенции, Пичета сознательно избегал участия в общественно-политической жизни страны и полностью сосредоточился на академической работе. Вполне применима к последующему этапу жизни и деятельности Владимира Ивановича цитата из предисловия к сборнику материалов по «академическому делу»: «Те, кто выжил и сумел вернуться в науку, поплатились не только здоровьем, но и моральной травмой, которая не позволила им в полной мере использовать свой профессиональный потенциал» [60, с. XLIX].

Ликвидация в Беларуси слоя национальной интеллигенции, кроме личной драмы каждого из этих в высшей степени талантливых и творческих деятелей, специалистов своего дела,

отрицательно сказалась и на последующем развитии национальной высшей школы, науки и культуры. Что касается БГУ, главного результата деятельности Пичеты в белорусский период его жизни, то уже находясь в эмиграции, один из бывших студентов БГУ 1930-х гг. А. Сакович писал о том, что в университете в то время ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров, отсутствие четкой организации учебного процесса, царил атмосфера подозрительности и недоверия. Имя и дела его первого ректора старательно замалчивались или усиленно критиковались. Однако никто из «красной профессуры» не мог ни заменить его, ни хотя бы приблизиться к тому профессиональному уровню, на котором находился и работал этот многогранный человек, организатор, ученый. [49, с. 1—9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибиряков, И. В.* Интеллигенция и советская власть: первый опыт сосуществования / И. В. Сибиряков // Интеллигенция и мир. 2007. № 3. С. 34—44.
2. *Баранова, Е. В.* Владимир Иванович Пичета: белорусское обрамление исторического портрета (К 130-летию со дня рождения) / Е. В. Баранова, О. А. Яновский // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск, 2008. Вып. 3. С. 219—234.
3. *Василевская, Н. В.* Дореволюционная интеллигенция Беларуси и советская власть в 1920-е гг.: проблемы взаимоотношений / Н. В. Василевская // Интеллигенция и мир. 2007. № 3. С. 44—60.
4. Дело об организации Белорусского государственного университета в Минске. 22 марта — 14 мая 1919 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 131.
5. Дневниковые записи В. И. Пичеты во время поездки в Ригу в качестве эксперта при заключении Российско-украинско-польского мирного договора 8—12 сентября 1920 г. // Архив Российской Академии наук (далее А РАН). Ф. 1548. Оп. 2. Д. 20. Л. 1—2.
6. *Каминский, С.* Быть ли университету в Минске / С. Каминский // Звезда. 1921. 27 янв.

7. Улащик, Н. Н. Вклад В. И. Пичеты в дело создания белорусской исторической науки (основные положения сообщения, сделанного в Институте славяноведения и балканистики АН СССР 4 ноября 1978 г.). 1978 г. // Центральная научная библиотека им. Я. Коласа. Отдел редких книг. Ф. 44 (Личный фонд Н. Н. Улащика). Оп. 1. Д. 237. Л. 3—7.
8. Из отчета Белорусского государственного университета (раздел 7 — деятельность Правления). 20 октября 1926 г. // Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 53.
9. Прывітанне старшыні ЦВК Саветаў Беларусі А. Г. Чарвякова // Савецкая Беларусь. 1922. 31 кастр.
10. Юбілей пятай гадавіны Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта // Наш край. 1926. № 10—11. С. 76—77.
11. Яноўскі, А. А. Трымацца гістарычнай праўды (да 125-годдзя з дня нараджэння рэктара БДУ У. І. Пічэты) / А. А. Яноўскі, А. Г. Зельскі // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск : БГУ, 2004. Вып. 1. С. 7—24.
12. Турук, Ф. Ф. Университетская летопись / Ф. Ф. Турук // Працы БДУ. 1922. № 1. С. 175—207.
13. Каценбоген, С. З. Белорусский государственный университет за 1921 — 1922 академический год. (Итоги и перспективы) / С. З. Каценбоген // Працы БДУ. 1922. № 2—3. С. 326—363.
14. Каценбоген, С. З. Белорусский государственный университет за 1922—1923 академический год. (Итоги и перспективы) / С. З. Каценбоген // Працы БДУ. 1923. № 4—5. С. 231—281.
15. Протоколы заседаний Совета университета и списки профессорско-преподавательского и административно-технического состава. 16 октября 1921 г. — 28 февраля 1924 г. // НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 12.
16. Пічэта, У. І. Беларусі дзяржаўны ўніверсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычнікавай рэвалюцыі / У. І. Пічэта // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 5—46.
17. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921 — 1941 / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шу-мейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: В. І. Стражаў (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2006. 383 с

18. Иоффе, Э. Г. Страницы жизни / Э. Г. Иоффе // Академик В. И. Пичета. Страницы жизни / Э. Г. Иоффе [и др.]; под ред. В. В. Чепко и Д. Б. Мельцера. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981. С. 5—46.
19. Пратакол пасяджэння Калегіі Народнага камісарыяту асьветы БССР ад 22.12.1927 г. // НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1282.
20. Михнюк, В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919— 1941 гг.) / В. Н. Михнюк; под ред. П. Т. Петрикова. Минск : Наука и техника, 1985. 286 с.
21. Другі ўсебеларускі з'езд таварыства «Прэч непісьменнасць» 20—22 кастрыганіка 1928 г. Менск, 1928. 61 с.
22. Беларускае таварыства друзей ваздушнага флоту // Савецкая Беларусь. 1923. 13 красавіка.
23. Пічэта, У. І. Аб пралетарызацыі і беларусізацыі Універсітэта / У. І. Пічэта // Савецкая Беларусь. 1928. 6, 10, 11 кастр.
24. Сакалоў, М. Сацыяльны склад студэнцтва ў Беларусі 1920-х гг. / М. Сакалоў // Беларускі гістарычны часопіс. 2002. № 2—3. С. 39—46.
25. Личное дело В. И. Пичеты // НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6335.

26. 25-годдзе навуковай дзейнасці прафесара Пічэта // Звязда. 1926. 2 ліст.; Савецкая Беларусь. 1926. 2 ліст.
27. 3 пашанай і цеплынёй ад Alma Mater / Беларус. дзярж. ун-т; аўтар-склад. А. А. Яноўскі [і інш.]. Мінск : БГУ, 2003. 311 с.
28. Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925—1928 гг.): отражение времени в архивных документах / авт.-сост. Р. П. Платонов [и др.]; под ред. Р. П. Платонова. Минск: БелНИИДАД, 2001. 312 с.
29. На крутым павароце: Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929—1931 гг.: Дакументы, матэрыялы, аналіз / аўт.-склад. Р. П. Платонаў. Мінск : БелНДДАС, 1999. 385 с.
30. Доклад Комиссии ЦКК ВКП(б) об итогах обследования практики проведения национальной политики в Белорусской ССР. 15 апреля 1929 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 85. Д. 365.
31. *Міхнюк, У. М.* Захоўваць вечна: справа № 20951-с / У. М. Міхнюк // Маладосць. 1992. № 6. С. 110—132.
32. Обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации «Союз вызвалення Беларусі» (по обвинению Ластовского, Некрашевича, Красковского, Лесика и др.). 18 июля 1930 г. — 10 апреля 1931 г. // Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (далее Архив КГБ РБ). Арх. уг. дело № 20951-с. Т. 25.
33. *Пічэта, К. В.* Владимир Иванович Пичета (Из воспоминаний дочери) / К. В. Пичета // Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию академика В. И. Пичеты: сб. ст. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) [и др.]. М., 1978. С. 116—118.
34. Протокол закрытого заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 15. X. 1926 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 19.
35. Следственное дело В. И. Пичеты. 1930—1931 гг. // Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. № П-65245. Т. 19.
36. Протоколы заседаний коммунистической фракции правления БГУ 4 января и 27—28 апреля 1926 г. // НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 7. Д. 48.
37. *Лінднэр, Р.* Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX—XX ст. / Р. Лінднэр. СПб. : Неўскі прасцяг, 2003. 540 с.
38. Записка Пичеты, адресованная инспектору высших учебных заведений БССР товарищу Лысову. Ноябрь 1928 г. // НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 7. Д. 158.
39. *Гесь, А.* Беларускі універсітэт павінен быць беларускім / А. Гесь // Настаўніцкая газета. 1994.24 верас. С. 1—2.
40. *Кнорын, В.* Аб рашаючых дробязях у вялікім пытанні / В. Кнорын // Савецкая Беларусь. 1928. 19 крас.; Рабочий. 1928. 19 апр.
41. *Горяинов, А. Н.* Трагическая страница биографии В. И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 года / А. Н. Горяинов // Славяноведение. 2002. № 1. С. 62—71.
42. Выступление В. И. Пичеты на учредительном съезде ВАРНИТСО 27—28 апреля 1928 г. // Бюллетень ВАРНИТСО. 1928. № 2. С. 40—41.
43. *Панкевіч, П.* Клясавая барацьба на навуковым фронце БССР / П. Панкевіч // Асвета. 1929. № 10. С. 12—22.

44. *Славин, И.* Пора решительно покончить с примиренчеством на идеологическом фронте / И. Славин // Рабочий. 1929. 9 февр.

45. Усебеларускі з'езд навуковых працаўнікоў. Рэакцыйныя настроі сярод часткі вучоных // Звяз-да. 1929. 19 лют.; Савецкая Беларусь. 1929. 19 лют.
46. *Быховский, Б.* Идеологическая борьба и истерическое кликушество / Б. Быховский // Рабочий. 1929. 26 февр.
47. *Мірончык, Д.* Аб «откровениях» таварыша Славіна / Д. Мірончык // Звязда. 1929. 23 лют.
48. Протокол допроса Н. Н. Улащика 12 июля 1930 г. // Архив КГБ РБ. Арх. уг. дело № 20951-с. Т. 9.
49. *Саковіч, А.* Да гісторыі Беларускага дзяржаўнага універсітэта / А. Саковіч // Запісы Беларуска-га інстытуту навукі і мастацтва. New York, 1954. № 1. С. 1—9.
50. *Иоффе, Э. Г.* Владимир Иванович Пичета / Э. Г. Иоффе // Портреты историков: время и судьбы / Акад. исслед. культуры; отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. Т. Мильская. М., 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 177—191.
51. *Пічэта, У.* Атака з нягоднымі сродкамі / У. Пічэта // Савецкая Беларусь. 1929. 1 сакавіка.
52. Пратакол № 36 пасяджэння Бюро ЦК КП(б)Б ад 3 кастр. 1929 г. // НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 7. Д. 241.
53. Пратакол агульнага сходу навуковых працаўнікоў БДУ ад 11 кастрычніка 1929 г. // НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 411.
54. Письмо В. Д. Друщица В. И. Пичете 16 октября 1929 г. // Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 80.
55. Пра выключэнне з складу правадзейных членаў Беларускай Акадэміі навук Ластоўскага В. Ю., Пічэты У. І., Лёсіка Я. Ю., Некрашэвіча С. М., Гарэцкага Г. І. і Дубаха А. Д. Пастанова СНК БССР, 6 снежня 1930 г. // СЗ БССР. 1930. Отд. 2. № 33. Пост. 314.
56. Апытанне членаў Прэзідыуму ЦВК БССР ад 7-га снежня 1930 г. // НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1933.
57. Пратакол пасяджэння Калегіі Камісарыята асветы БССР ад 25. X. 1929 г. // НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1843.
58. *Брачев, В. С.* Крестный путь русского историка. Академик С. Ф. Платонов и его «дело» / В. С. Брачев. СПб. : Стомма, 2005. 416 с.
59. *Брачев, В. С.* Травля русских историков / В. С. Брачев. М. : Изд-во «Алгоритм», 2006. 320 с.
60. Академическое дело 1929—1931 гг.: док. и материалы следств. дела, сфабрик. ОГПУ / Б-ка Рос. акад. наук; редкол.: В. И. Леонов (отв. ред.) [и др.]. СПб.: РАН, 1993. Вып. 1.: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова; Изд. подгот.: В. П. Захаров [и др.]. 295 с.
61. «Мне же они совершенно не нужны» (Семь писем из личного архива академика М. Н. Покровского). Вступительная статья и публикация А. В. Есиной / А. В. Есина // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 6. С. 103—114.
62. Автобиография В. И. Пичеты. 1939 г. // АРАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 23. Л. 1—2.
63. *Платонаў, Р. П.* «Контррэвалюцыйнай дзейнасці не спыніў...» (Акадэмік У. І. Пічэта ў інфар-мацыях НКУС) / Р. П. Платонаў // Лёсы: гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця ў Беларусі 20—30-х гадоў / Р. П. Платонаў. Мінск : БЕЛНДІДАС, 1998. С. 305—315.
64. *Скалабан, В. У.* Акадэмік У. І. Пічэта: выпрабаванне лёсам / В. У. Скалабан, У. І. Кузьменка // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 6. С. 11—18.

SUMMARY

The article deals with the pre-revolutionary intelligentsia and Soviet power relationships in the 1920s. The research is based on the example of the 1st rector of the Belarusian State University (BSU). The contradictory policy of the Soviet authorities and party leaders towards national intelligentsia and in particular towards the 1st rector of BSU was shown. This policy included 2

stages: 1) an active cooperation with loyal Belarusian intelligentsia that played a leading role in forming national high school, science, culture and Belarusian state (in the 1st half of the 1920s); and 2) repressions of national intelligentsia connected with the totalitarian political regime which influenced negatively the of scientific, and cultural development Belarus (the second half — the late 1920 s).